



DOI: 10.19181/inter.2026.18.3.5

EDN: DTLHWZ

«Работа мертвых»: как устроены социальные похороны бездомных в Санкт-Петербурге

Ссылка для цитирования:

Чекрыгин А. А. «Работа мертвых»: как устроены социальные похороны бездомных в Санкт-Петербурге // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 3. С. 90–114. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.3.5> EDN: DTLHWZ

For citation:

Chekrygin A. A. (2026) "The Work of the Dead": How Social Funerals for the Homeless Work in St. Petersburg. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 3. P. 90–114. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.3.5>



Чекрыгин Андрей Александрович

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chekr96@gmail.com

Статья базируется на этнографическом исследовании организации социальных похорон бездомного человека в Санкт-Петербурге. Автор совмещает две позиции — практикующего социального работника благотворительной организации «Ночлежка» и антрополога-исследователя, что позволяет получить доступ к труднодоступному и этически сложному полю. Работа с полевым дневником, интервью и документами позволяет проследить, каким образом различные акторы взаимодействуют с телом умершего человека, о котором не могут позаботиться близкие родственники. В поле организации социальных похорон ключевыми оказываются акторы, которые определяют посмертное устройство тел в городском пространстве и за его пределами: это государство, рынок ритуальных услуг и гражданское общество. Их совместная работа представлена как повторяющееся драматическое действие с заранее заданными сценариями, в рамках которых смерть бездомного человека приобретает специфический бюрократический и социальный статус. Перемещаясь между институтами, тело приобретает разные формы: благополучатель в некоммерческой организации, объект



патологоанатомического исследования в морге, носитель персональных данных в государственном учреждении, «социалка» для работников кладбища. Социальные работники, постоянно сталкивающиеся с кризисными и стрессовыми ситуациями, осознают смерть своих клиентов как часть рабочей повседневности и не всегда могут реагировать на нее как на потери. При этом они испытывают растерянность и пустоту там, где ожидаются эмоции утраты, и заполняют это пространство бюрократической работой, выходящей за пределы профессиональных обязанностей, а также изобретенными коммеморативными ритуалами.

Ключевые слова: социальная работа; похороны; коммеморация; бездомность; институциональная логика; бюрократия

...It matters because the living needs the dead far more than the dead need the living. It matters because the dead make social worlds. It matters because we cannot bear to live at the borders of our mortality.

T. W. Laqueur, "The Work of the Dead"

Введение

Социальная работа начинается там, где случаются сбои социальных институтов семьи, рынка труда, соседской общины. Ее клиенты — это те, кто провалился в эти разрывы [Шанин, 1997]. Развивая эту мысль, можно сказать, что социальный работник заполняет разрывы институтов при жизни человека и, в некоторых ситуациях, после его смерти.

Осенью 2025 года умер бездомный человек, которому я на протяжении полутора лет помогал как социальный работник благотворительной организации «Ночлежка». Я организовал его похороны, чтобы у людей, знавших его при жизни, появилась возможность проститься. Это стало точкой входа в исследование социальных похорон бездомного человека. Социальные похороны — это захоронение за счет государства. Это не официальный термин, а определение из общего знания соцработников, сотрудников муниципальных служб и представителей рынка ритуальных услуг.

Труднодоступность поля организации социальных похорон обусловлена в первую очередь его институциональной закрытостью. Тех, чьей посмертной судьбой не занимаются близкие или родственники, работники государственных муниципальных служб захоранивают на специально отведенных участках кладбищ¹. Это происходит «взакрытую», работа выполняется исключительно сотрудниками ведомств, которые никак не связаны с умершим человеком. Участие посторонних лиц не предусматривается².

¹ См. [фото из архива автора](#): пример такого участка на одном из кладбищ Санкт-Петербурга.

² Погребение лиц без определенного места жительства в России // Городская специализированная служба по вопросам похоронного дела. URL: <https://ritual.ru/poleznaya-informacia/articles/pogrebenie-lits-bez-opredelyennogo-mesta-zhitelstva-v-rossii/> (дата обращения: 14.02.2026).

«Социальное» от государства (санитарная логика системы здравоохранения) происходит в ситуации, когда «социальное» от родственников (логика достойного прощания с усопшим) отсутствует. Со стороны сотрудника благотворительной организации похороны организуются на стыке границ этих логик.

Поле, связанное со смертью бездомных людей, является этически и психологически напряженным. Смерть человека прерывает сложившиеся дружеские и соседские отношения с жильцами приюта, меняет основания профессиональных отношений «сотрудник — клиент». При этом смерть одного клиента не может вырвать социального работника из рутины: приходят новые люди, продолжается работа со старыми, времени на эмоции и рефлексии почти нет. В исследовании я пытаюсь отрефлексировать профессиональную уязвимость и ее обнажение перед лицом смерти.

Организация похорон бездомного человека в России происходит в условиях сжатых сроков (на каждом этапе задаются жесткие временные рамки), фрагментарной информации о порядке действий и распределении ответственности между муниципальными ведомствами и коммерческими структурами. Эти обстоятельства существенно ограничивают возможности внешнего наблюдения и делают многие практики видимыми лишь в момент непосредственного участия в них. Чтобы понять, почему похороны бездомного человека устроены именно так, необходимо обратиться к тем институциональным режимам, в рамках которых бездомность определяется, учитывается и управляется при жизни [Horper, 1991]. Прежде чем перейти к ним, нужно погрузиться в контекст и определиться с основными определениями в поле.

Социальные исследования бездомности и смерти

Западные социальные исследования бездомности начались с работ Чикагской школы. В этих исследованиях город рассматривался с экологических позиций: как пространство маргинальности и социальной адаптации [Park, 1915; Anderson, 1923]. Позднее бездомность стала связываться с динамикой бедности и состоянием рынка жилья [Rossi, 1989], а также с микросоциологией повседневных стратегий выживания и уличной организации жизни [Snow, Anderson 1993]. Европейские исследователи обращали внимание на проблему социального исключения и стоящих за этим институциональных механизмов. В практическом смысле это нашло отражение в типологии бездомности и жилищной маргинализации ETHOS (2005) [Busch-Geertsema et al., 2010], речь о которой пойдет далее.

Современные исследователи рассматривают бездомность через призму социальной политики, понятия мобильности и неравенства, в частности, в исследованиях городской инфраструктуры помощи [Lancione, 2016]. По отношению к бездомным людям город использует различные стратегии: контроль, удаление, заботу и др. [Cloke, May, Johnsen, 2010].

В российском контексте тема бездомности достаточно популярна в последнее десятилетие. Отметим монографию Тове Хейдестранд [Höjdestrand,



2011], основанную на этнографической работе в России в 1990–2000-х годах (интервью и наблюдения за повседневной жизнью бездомных Петербурга). Практико-ориентированные статьи на российском материале посвящены осмыслению причин бездомности, их типологизации и содержат практические рекомендации для специалистов, работающих в этой сфере [Коваленко, Строкова, 2013; Виноградова, 2021; Метелева, Богданова, 2022]. Академические исследования бездомности в России также направлены на гендерные отношения, скрытую женскую бездомность и повседневные практики выживания [Кузинер, 2020; Кузинер, 2024]. С 2023 года наблюдается рост интереса к теме, в том числе благодаря совместным образовательным и исследовательским инициативам «Ночлежки», Шанинки и тематическим выпускам журналов, например, «Пути России» в 2024–2025 годах. В последнем были опубликованы исследования, анализирующие стратегии жизни людей на улицах, их взаимодействие с городской инфраструктурой, а также встроенность бездомных в экономическую и социальную жизнь [Шульц, 2024; Яхно, 2024; Крихтова, 2024; Мальков, 2024]. Академические конференции также привлекают исследователей, которые занимаются этнографией в поле бездомности³.

Прикладные количественные исследования причин, по которым люди оказываются в ситуации бездомности, представлены масштабными клиентскими опросами, которые проводят сотрудники «Ночлежки»⁴. В 2022 году исследовательская компания Validata применила оригинальную модель сбора количественных данных на основе статистики об умерших⁵. Аналитический центр НАФИ проводил опросы, посвященные отношению россиян к бездомности. Отдельно следует отметить исследования о распространенности опыта бездомности среди граждан России (на основе базы данных репрезентативного обследования «Человек, семья, общество — 2023», N = 9508 человек) [Цацура, Осаволюк, 2024].

Антропология рассматривает смерть не только как биологическое событие, но и как социально и символически организованный процесс. Роберт Герц показал коллективную логику погребального ритуала [Герц, 2019], а Филипп Арьес — историческую изменчивость представлений о смерти, трауре и умирании [Арьес, 1992]. Для настоящего исследования значимы работы Сергея Мохова о похоронной индустрии. Мохов рассматривает смерть как область пересечения рынка, государства, ритуальных практик и моральных норм [Мохов, 2016; Мохов, 2017].

³ Например: Ескин К. «Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах»: локальная рациональность и восприятие времени среди уличных бездомных Москвы. Устный доклад. Конференция «Антропология, фольклористика, социолингвистика». Европейский университет в Санкт-Петербурге, 12.03.2026–14.03.2026; Захарова А. О. Представление себя другим в среде бездомных (на примере Санкт-Петербурга). Устный доклад. Конференция «Актуальные вопросы этнологии и антропологии», Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 3.12.2025–5.12.2025.

⁴ Результаты опроса 2025 года в Консультационной службе «Ночлежки». Количество участников — 1556 человек. URL: https://homeless.ru/who_is (дата обращения: 14.02.2026).

⁵ Новости // Ночлежка. URL: https://homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata (дата обращения: 14.02.2026)

Социальные похороны являются логическим продолжением тех же институциональных режимов, которые определяют доступ к помощи при жизни. Смерть бездомного человека не разрывает социальные отношения, а переводит их в иной регистр — бюрократический и пространственный. Когда мы говорим непосредственно о социальных похоронах, продуктивной кажется концепция Аннмари Мол о множественном теле (the body multiple). Мол утверждает, что тело представляет собой не единую онтологическую данность, а множественность версий, каждая из которых осуществлена (enacted) в конкретных практиках, институциях и взаимодействиях: «Ни один объект, ни одно тело, ни одна болезнь не являются единичными. Если никакая сущность не изымается из поддерживающих ее практик, то реальность множественна» [Мол, 2017: 35]. Тело существует не в одном, а в нескольких онтологических режимах одновременно или последовательно. Каждый актор (государство, рынок, соцработник) «активирует» определенную онтологию.

Логика социальной помощи

В России существует несколько подходов к определению бездомности и методов ее подсчета. Государственная система опирается на определение, в рамках которого бездомным может быть признан только гражданин Российской Федерации, не имеющий зарегистрированного места жительства и собственности, а также отметки о регистрации в паспорте⁶. Такая формулировка задает не только границы статистического учета, но и условия доступа к социальной помощи.

Государственная помощь бездомным людям в значительной степени зависит от региональных моделей социальной политики. В Санкт-Петербурге ключевым элементом этой системы являются дома ночного пребывания, функционирующие в каждом районе города. Однако доступ к ним возможен лишь при соблюдении ряда формальных условий: наличие российского паспорта, соответствие установленному определению бездомности, а также заключение индивидуального плана предоставления социальных услуг (ИППСУ) через Центр организации социального обслуживания. Процедура оформления включает прохождение медицинских обследований и получение справок от психиатра и нарколога, что на практике занимает до двух недель. Даже после выполнения всех требований договор заключается на ограниченный срок (не более шести месяцев), а общее количество мест в системе ночного пребывания не превышает двухсот на весь город. Таким образом, государственная модель социальной помощи ориентирована на ограниченную категорию бездомных, попадающую под юридическое определение. Для сотрудников негосударственных организаций, работающих с бездомными, очевидно, что

⁶ ГОСТ Р 52495–2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Общие требования к системе социального обслуживания. 2005. URL: <https://mari-el.gov.ru/upload/medialibrary/9d9/dbijzi6e7w9kc3nqw8do0abhk3vg254m.pdf?ysclid=mo48m9a8kd220386761> (дата обращения: 14.02.2026).



значительная часть этих людей не может воспользоваться государственными сервисами. Потеря или кража паспорта⁷, наличие регистрации в другом регионе, иностранное гражданство или отсутствие гражданства закрывают доступ к домам ночного пребывания.

Некоторые некоммерческие организации опираются на другое определение бездомности. Упомянутая выше европейская типология бездомности и жилищной исключенности (ETHOS) рассматривает бездомность как социальное положение, связанное с отсутствием безопасного и стабильного жилья. Типология выделяет четыре формы такой ситуации: уличная бездомность, проживание в приютах, небезопасные жилищные условия и неподходящее жилье⁸. Такой подход расширяет границы признания нуждаемости и позволяет рассматривать бездомность не как фиксированный статус, а как временную ситуацию. Эта концептуализация лежит в основе практик сопровождения: социальная помощь в НКО строится как комбинация различных проектов. Их можно разделить на низкопороговые гуманитарные проекты, которые позволяют выжить на улице (пункты обогрева, точки раздачи еды и одежды) и более сложные, высокопороговые проекты, рассчитанные на длительное проживание (приюты для людей разного возраста, реабилитационные проекты для людей с опытом зависимости). Высокопороговые проекты предполагают индивидуальную работу, сервисное планирование и взаимодействие множества различных специалистов (соцработников, психологов, юристов, специалистов по зависимости и др.).

Статистика как способ (не) видеть бездомность

Различие в определениях бездомности напрямую отражается в статистике. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2021 года, численность бездомных в России составляет 11 285 человек⁹. При этом методы сбора данных остаются непрозрачными, а учет происходит по наличию людей в конкретный момент времени. Однако бездомный человек не привязан к месту жительства, поэтому стандартная процедура переписи может не зафиксировать его. Негосударственные организации ставят под сомнение не столько сами цифры, сколько вопрос, лежащий в основе сбора данных. «Ночлежка» совместно с исследовательской группой Validata предложила альтернативный подход, основанный не на учете живых, а на анализе данных о мертвых¹⁰.

⁷ Вторая по частоте причина бездомности по данным «Ночлежки». Кто такие бездомные? // Ночлежка. URL: https://homeless.ru/who_is/?city=msk (дата обращения: 14.02.2026).

⁸ ETHOS Typology // FEANTSA (European Federation of National Organisations Working with the Homeless). URL: <https://www.feantsa.org/ethos> (дата обращения: 14.02.2026).

⁹ Бойко А. Число бездомных снизилось в 6 раз за 10 лет // Ведомости. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/19/959587-chislo-bezdomnih-snizilos-v-6-raz> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁰ Валидейта. Итоги работы по модели HELP/VALIDA: оценка числа бездомных на основании данных об их смертности. М.: Благотворительный фонд помощи бездомным «Ночлежка», 2022. URL: https://homeless.ru/upload/iblock/a63/Itogi_raboty_po_modeli_HELP_VALIDATA.pdf (дата обращения: 14.02.2026).

В качестве эмпирической базы были использованы данные Росстата, предоставленные по запросу и связанные с неопознанными телами без документов и умершими без регистрации по месту жительства.

Томас Лакер утверждал, что мертвые делают свою «работу», создавая социальные миры [Laqueur, 2016: 1]. О похожем пишет Ллойд Уорнер: «„Город мертвых“ — символическое подобие города живых» [Уорнер, 2000: 312]. На основе анализа статистики мы видим, как при помощи правильно поставленного вопроса мертвым можно получить новый ответ о границах существующих групп среди живых.

Социальные похороны в Санкт-Петербурге: кейс-стади

Предлагаемое исследование продолжает традицию этнографических исследований бездомности и дополняет относительно малоизученное поле. Темы смерти бездомного человека и организации социальных похорон до настоящего времени почти не были представлены в академическом пространстве. Еще один рассматриваемый сюжет — тема эмоций в профессиональном поле — вдохновлен работой Ричарда Лейкмана о дублинских сотрудниках социальной сферы. Используя обоснованную теорию, интервью и наблюдение, он изучал, как сотрудники различных помогающих организаций воспринимают смерть своих подопечных, как это выражается в эмоциях и ритуалах [Lakeman, 2011].

В исследовании я соединяю роли антрополога и социального работника; оптики внешнего наблюдателя и непосредственного участника; эмоциональные режимы специалиста, который решает бюрократические задачи, и человека, который был свидетелем чьей-то жизни (и смерти). В первую очередь в исследовании меня интересует, каким образом смерть бездомного «осуществляется» в институциональных практиках различных акторов. Одним из этих акторов являюсь я сам — социальный работник, который и выполняет государственные предписания, и создает личные коммеморативные практики.

Методы и данные

Социальная работа чем-то похожа на исследование в качественной методологии. Социальный работник имеет дело с case work — работой с отдельным случаем. Это определение близко к социологическому понятию case study — исследование, фокусированное на отдельном случае [Platt, 1992: 4] Сходство близко по структуре, но не исчерпывающе по содержанию. Тем не менее, это во многом определило специфику моего исследования, как и моей роли в нем: быть на пересечении двух ролей, двух методов. Герберт Ганс считал, что в обществе существуют «слабые звенья», и задача этнографов — сделать их видимыми для общества, чтобы была возможность им



помочь [Becker et al., 2004: 266]. Он полагал, что использование этнографии позволит услышать голоса маргинализированных, лучше узнать обстоятельства их жизни. Именно роль социального работника помогла мне получить доступ к закрытым для посторонних дверям ведомственных учреждений. Роберт Берджесс пишет о четырех ролях поведения в исследовательском процессе сбора эмпирических данных: 1) участник; 2) участвующий наблюдатель; 3) наблюдающий участник; 4) наблюдатель. Специфика роли исследователя и социального работника в поле, связанном с социальными похоронами, включает в себя работу с переключением всех указанных выше ролей в процессе наблюдения.

География исследования ограничена Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. В моем случае главным инструментом полевой работы было включенное наблюдение (с фиксацией визуальных данных через фотографии), ведение полевого дневника с насыщенным описанием происходящего на всех этапах [Гирц, 1997: 105]. Кроме того, я взял несколько полуструктурированных интервью у сотрудников муниципальных ведомств и представителей коммерческих структур, собирал документы и другие материальные свидетельства. Все имена информантов изменены.

Социальные похороны в России

Разговорный термин «социальные похороны» имеет под собой законодательную базу. Процесс организации похорон изложен в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле»¹¹. В нем не встречается термин «социальные похороны». Но существует близкая формулировка «социальное пособие на погребение» (ст. 10). Оно выплачивается в случае, если погребение осуществлялось за счет средств супруга, близких родственников, иных родственников, законного представителя умершего или иного лица, взявшего на себя обязанность осуществить погребение умершего. Бездомные люди попадают под определение категорий граждан из статьи 12 этого же Федерального закона: «гарантии погребения погибших (умерших), не имеющих супруга, близких родственников, иных родственников либо законного представителя умершего».

Социальный работник обычно не состоит в родственной связи с клиентом. Но по своей инициативе он может собрать документы на обозначенное выше социальное пособие на погребение, и тогда появляется возможность исследовать все этапы бюрократической работы, предшествующие захоронению бездомного человека¹². В терминологии сотрудников кладбища это «социалка».

¹¹ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8–ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 14.02.2026).

¹² Стоит уточнить, что участие постороннего человека в организации социальных похорон доступно не во всех регионах России. Например, в Москве нельзя организовать «открытые» похороны (с возможностью прощания) для человека без московской регистрации.

Герц рассматривал смерть как двунаправленный социальный процесс, включающий разрушение прежних связей и их последующую пересборку [Герц, 2019: 88–89]. Уместно задаться вопросом: происходит ли пересборка общества в социальных похоронах? Для ответа нужно приглядеться к событиям, которые происходили с человеком до его смерти.

Живые

Мой клиент Александр родился в 1956 году. На момент нашего знакомства он имел двадцатилетний стаж бездомности, трудности с документами (отсутствие российского паспорта), опыт длительного проживания в заброшенных зданиях и подвалах. Почти десять лет он лечился от туберкулеза. Позднее противотуберкулезный диспансер стал местом его работы (он устроился дворником), здесь же ему восстановили документы. За два года до смерти на флюорографии обнаружили рак, работать Александр больше не мог. В мае 2024 года он обратился за помощью в «Ночлежку». За год совместной работы мы смогли собрать документы для оформления инвалидности и пенсии, организовали многочисленные медицинские обследования. Александр не дождался своей очереди в интернат. Из-за резкого ухудшения состояния здоровья я определил его в хоспис, где он и провел последние дни.

Концепцию Зигмунта Баумана о «человеческих отходах» (wasted humans) можно использовать для иллюстрации государственной логики по отношению к жизни и смерти бездомных в России: «Производство „человеческих отходов“, или, точнее, потраченных впустую людей... является неизбежным результатом модернизации и неотделимым спутником современности» [Bauman, 2013: 5]. Бауман утверждает, что идеал государства современного типа — прогнозируемое, идеологическое, рационально обоснованное построение общества. Такому обществу присущи бинарные оппозиции: правильное — неправильное, полезное — бесполезное. Это предполагает существование нормативных моделей порядочных граждан, которые соответствуют ценностным ожиданиям государства (а также успешно интегрированы социально и экономически), и тех, кто им противоположен (маргинален). Сегодня это беженцы, мигранты, бездомные. Иначе говоря, социальная инженерия модерна производит то, что можно назвать «человеческими отходами». Подход к проблеме «лишних людей» менялся со временем. Ранее их пытались утилизировать внутри системы через труд или тюремное заключение. С развитием социального государства акцент сместился на попытки интеграции через институты социальной поддержки, сейчас же мы видим логику удаления тех, кого система не может ассимилировать, за пределы видимости [Бауман, 2008]. Эта концептуальная модель помогает раскрыть логику институции, которая определяет бездомного человека при жизни и его тело в пространстве города после смерти. То, что у Баумана определено как «человеческие отходы», в российском контексте имеет свой языковой аналог, несущий отпечаток современной



советской категоризации. Это «лицо БОМЖ» при жизни и «невостребованный умерший» после смерти.

Как положение человека при жизни приводит к его социальным похоронам? Неслучайно на уровне языка происходит странная игра смыслов. Бездомность можно определить как социальную смерть, выпадение человека из привычных связей с близкими. Биография Александра в каком-то смысле типична для человека его возраста, оказавшегося в ситуации бездомности. Она соответствует идее о «человеческих отходах» модерна: утрата привычного образа жизни и юридической легитимности после распада СССР, выпадение из привычных социальных связей и жизнь на социальной периферии. Для меня как соцработника такая типичность социальных проблем стала одной из причин деперсонализации. В каком-то смысле можно назвать это профессиональным аффектом, характерным для помогающих профессий, в случаях, связанных со смертью подопечных [Lloyd et al., 2002]. Помогаящие специалисты часто воспринимают человека как набор жизненных проблем, кейсов, которые нужно решить для выполнения сервисного плана. В чем-то это похоже на логику государственных институций: отдельный бездомный человек — часть общей проблемы. Его нужно удалить из публичного пространства, при этом можно игнорировать процессы структурного неравенства, которые приводят к ней. Сам бюрократический характер работы с большим количеством людей порождает такой тип отношений. Это похоже на то, что описывал Дэвид Гребер в «Мертвых зонах воображения»: «Бюрократическая процедура неизменно означает игнорирование всех тонкостей реального социального существования и сведение всего к заранее заданным механическим или статистическим формулам» [Graeber, 2012: 119]. В биографии Александра заметны следы социальной сегрегации и исключения при жизни. Это же будет продолжаться и после смерти: в том, как муниципальные власти организуют логику захоронения невостребованных умерших.

Мертвые

Опыт бездомности связан с большими рисками для здоровья¹³. Бездомные имеют более высокие показатели смертности, чем люди, имеющие дом [Lakeman, 2011: 926]. Для социального работника, работающего с уязвимыми группами, столкновение со смертью становится частью рабочей повседневности, и это определенным образом влияет на его психическое состояние. Сотрудники помогающих организаций знают, что их клиенты находятся в уязвимом положении, имеют меньшую продолжительность жизни и более высокий риск смерти. Но когда это происходит, это может оказаться

¹³ Продолжительность жизни бездомных на 19 лет меньше, чем у остальных россиян. Шанс умереть от внешних причин для бездомных в 3,6 раза выше, чем у всех остальных, от инфекционных болезней — в 4,3 раза выше, от заболеваний пищеварения и дыхания — в 1,2 раза выше. Исследование «Ночлежки» и «Если быть точным». URL: <https://tochno.st/materials/bezdomnye-umiraiut-na-19-let-ranse-ostalnyx-rossiian-i-casto-ot-boleznei-kotorye-legko-lecatsia> (дата обращения: 14.02.2026).

шокирующим. Лейкман раскрывает этот парадокс через концепцию «ожидания неожиданного» (expecting the unexpected): знание о рисках смерти, подготовка к этому факту и, тем не менее, всегдашняя внезапность экзистенциального столкновения со смертью [Lakeman, 2011: 932].

После смерти у человека теряются субъектность и способность регулировать свое положение в пространстве. Эту функцию теперь выполняют другие люди. Тело приобретает новое социальное измерение и продолжает жизнь, претерпевая бюрократические изменения. Как правило, другой человек — близкий, свидетель — начинает действовать по алгоритмам местной правовой культуры. В крупном городе России в первую очередь вызывают сотрудников скорой помощи и полиции. Фельдшер устанавливает факт смерти, полиция составляет протокол осмотра тела. Юридическое тело человека (точнее, его статус после прекращения биологической жизни) обретает правильную форму. Далее вызывается специализированная служба, которая транспортирует тело усопшего в морг.

Когда Александр умер, рядом были сотрудники хосписа. Они оповестили меня, я — соседей Александра по приюту (когда он находился на лечении, они спрашивали о нем, навещали, привозили продукты). Фрагмент полевого дневника, 22 сентября:

«Рассказываю жильцам про смерть Александра. <...> Главный вопрос для меня — кто хочет проститься. Находится пара человек. Это единственная причина заниматься социальными похоронами, это сложно, долго и требует денег, которые наша бухгалтерия не сможет покрыть. В этот же день я звоню в морг. Узнаю график работы. Сообщают, что тело направлено на патологоанатомическое вскрытие, и по опыту это занимает три-четыре дня (это делается, чтобы исключить насильственные причины смерти, результаты передаются сотрудникам полиции)».

В консультационной службе «Ночлежки» есть пошаговые инструкции, определяющие порядок действий для конкретных ситуаций. Работники социальной сферы, которые часто оказываются в эмоционально нагруженных и стрессовых ситуациях, с готовностью опираются на предписания («сталкиваясь со смертью, люди находили утешение в следовании процедурам» [Lakeman, 2011: 934]). Как уже было сказано, организация социальных похорон не входит в обязанности социального работника и находится за пределами должностных инструкций. Она предполагает добровольное расширение собственных обязанностей и профессионального участия. В ситуации многообразия возможных задач без четких предписаний низовые бюрократы (street-level bureaucrats) самостоятельно принимают решения, опираясь на обстановку, собственные представления о работе и др. [Lipsky, 1971]. Этот выбор в исследованиях государства называют дискрецией [Lipsky, 1971], и хотя социальные работники некоммерческой организации не являются



чиновниками в том смысле, в котором о них рассуждал Майкл Липски, их работа имеет схожие черты.

Организация социальных похорон напоминает театральную постановку о бюрократической жизни (с плохим концом). Одна сцена сменяет другую в строгой последовательности: нельзя перейти с первого акта (известие о смерти) в финальный (похороны на кладбище), минуя промежуточные сцены. Ключевой герой здесь — бюрократическое тело, во всех сценах оно будет меняться и приобретать институциональную форму, необходимую для следующего шага и, в дальнейшем, погребения.

Акт 1. Морг больницы. Получение справки о смерти

Морг при больнице, куда попадает мертвое тело, можно представить в виде государственной сортировочной станции. Он принимает всех: людей, чьим посмертным устройством занимаются близкие (самостоятельно или при помощи ритуальных агентств); граждан, личность которых не удается определить сотрудникам полиции; мертвых людей, за которыми не приходят родственники или друзья; бездомных, о посмертной участи которых также некому позаботиться. «Домашние» люди покидают двери морга быстро (со слов сотрудницы морга, это происходит обычно в течение двух недель). Тела бездомных, как и других «безродников», могут храниться в морге до полугода. Затем их захоранивают на специальных участках кладбищ. Фрагмент полевого дневника, 30 сентября:

«В морге на территории больницы соседствуют три организации (или агента?), между которыми происходит непрерывное взаимодействие. Сотрудники больницы, ритуальное агентство, ИП при морге... Женщина средних лет быстро определила, кто я, мою платежеспособность. Эту способность разделять людей на потенциальных клиентов и прочих я замечу и далее на разных этапах организации маршрута. <...> Наталья — приятная дама, подробно расписала мне дальнейшие шаги. По поводу возможных услуг сказала следующее: „Вся красота за Ваши деньги“. Поделилась своими проблемами. Дело в том, что тела в морге, которые не забирают родственники или попечители, должны храниться до полугода. Это хлопотно и затратно для морга. Спросила, знаю ли я еще такого человека (назвала ФИО и показала справку о смерти неизвестного мне человека). Я проверил по нашим базам данных, в „Ночлежку“ он не обращался. Предложила и его забрать вместе с моим клиентом, „Вам же не сложно“. Я вежливо отказался. <...> Точных цифр, на которые стоит рассчитывать, не назвали, видимо, это зависит от оценки сотрудником потенциального клиента и тех услуг, на которые он готов будет согласиться».

Сотрудница морга действует в рамках своей профессиональной дискреции. Она не выдает мне хотя бы примерную информацию о ценах, которой, без сомнения, владеет: это нарушит коллегиальное сотрудничество с соседним коммерческим ведомством. В рамках этой же дискреции она проверяет границы моей — могу ли я избавить ее от проблемы в виде еще одного безродного тела. Фрагмент полевого дневника, 30 сентября:

«Я объяснил, что я социальный работник, и в идеале нам нужен минимум услуг. Мы пришли к стоимости 8 800 рублей. Туда входит санитарная обработка тела, фиксация и вынос».

В морге тело существует как объект патологоанатомического вскрытия, санитарной обработки, хранения. Здесь оценивается стоимость погребения в зависимости от статуса мертвого человека при жизни. Расчет делается по платежеспособности человека, который решился взяться за организацию похорон («вся красота за Ваши деньги»), предлагаются процедуры физической трансформации тела (грим, одежда, фиксация в гробу). Тело в этой сцене — материальный объект, подчиненный логике санитарных норм и коммерческого подсчета.

Акт 2. Отдел регистрации актов о смерти. Получение гербового свидетельства и справки о смерти формы № 11

Отдел РАГС находится практически в центре Петербурга. Это единственное место в городе, где можно получить гербовое свидетельство и справку о смерти нужной формы (районные отделы ЗАГС смерть не регистрируют). На одной улице с отделом РАГС располагается несколько коммерческих организаций ритуальных услуг. Внутреннее устройство, работа специалистов и ожидание в электронной очереди — все отправляет к сервисному устройству организации вроде МФЦ. Фрагмент полевого дневника, 3 октября:

«Пока сижу в очереди, читаю отзывы на ритуальные агентства поблизости. Интересными показались благодарности агентам, выраженные в табельном номере („спасибо агенту № 138...“). Кажется, что ситуация потери будто бы структурно может одинаково проживаться у жителей города. Потребности людей достаточно типичны: проститься, избежать мошенников и бумажной волокиты. Люди платят деньги для избавления от хлопот, связанных с бумагами, торгами с моргом: „В самые трудные моменты жизни, когда слова утешения кажутся недостаточными, профессионализм и чуткость окружающих становятся особенно ценными“».



Акт 3. Социальный фонд России. Пособие на погребение

Следующий этап — посещение Социального фонда (бывшего Пенсионного фонда России (ПФР)). Здесь выдают выписку о получаемых социальных услугах, по сути, это легитимация выплаты пособия на социальное погребение. Фрагмент полевого дневника, 6 октября:

«— У нас очень строго отслеживается закон о персональных данных. Поэтому либо сам человек должен прийти, либо...

— Он не придет! Человек умер, а я занимаюсь его социальными похоронами.

— Так и сказали бы сразу!»

В Социальном фонде тело становится объектом персональных данных и социальных выплат. Его существование обусловлено соблюдением законодательных процедур. Тело здесь — след трудовой книжки, на ее основе институция выделяет пособие на погребение. Кажется, что происходит бюрократическая процедура оценивания стоимости жизни отдельно взятого человека, пенсионные отчисления его трудовой биографии. Сотрудница социального фонда будто бы говорит словами библейского пророка: «Ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5:25–30). Социальное тело бездомного человека легко.

Интермедия

Фрагмент полевого дневника, 13 октября:

«Сотрудник морга заранее объяснил, что одежда нужна 50-го размера примерно, желательно в темных тонах. Предложил несколько вариантов с разной ценой. Если делать гроб открытым, то можно загримировать тело и надеть на него заготовленную одежду. Вариант дешевле: тело накрывается аккуратно разрезанной одеждой сверху, голова покрыта платком. Эконом-вариант: тело в мешке, одежда внутри (не надевается). Я собрал одежду в пункте выдачи „Ночлежки“. Нашел большой черный пиджак, брюки, ботинки. Все разных размеров, но постарался собрать лучшее. Белье. Черные носки недавно кончились, подумал, что возьму дома из своих. <...> Перед выходом сотрудник ИП сообщил мне о важности для души первых 40 дней».

Ритуальные агенты и ИП при морге «осуществляют» тело как товар, подлежащий дифференциации по платежеспособности клиента. При этом, несмотря на всю формализацию их работы, они оставляют место для ритуальных напутствий.

Акт 4. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Специализированная служба Санкт-Петербурга по осуществлению погребения умерших». Получение квитанции

В этой службе выдают квитанции об оплате пособий по погребению, выстраивают логистику перемещения тела, назначают дату и время, когда сотрудник ведомства подъедет в морг для дальнейшей транспортировки тела на кладбище. Фрагмент полевого дневника, 14 октября:

«Женщина [посетительница] часто оглядывается по сторонам. Делится своей тревогой, ей хочется, чтобы у нее была возможность проститься с мужем. В морге ее не пустили к телу. Из своих скудных знаний рассказываю о том, как это обычно происходит в формате социальных похорон (перед непосредственной отправкой тела на кладбище будет полчаса на прощание). В какой-то момент мысленно останавливаюсь и задаю себе вопрос, какое слово использовать уместнее — „тело“ или „человек“? Государство тоже сталкивается с такой проблемой. В инструкции на сайте „Специализированная служба Санкт-Петербурга по осуществлению погребения умерших“ есть четыре карточки под названием „Что делать, если умер близкий человек“. Уже на втором слайде „близкий человек“ становится трупом: „вызвать полицию для составления протокола осмотра трупа“»¹⁴.

В этом разнообразии слов — тело, труп, мертвый человек, ваш близкий и т. д. — как будто бы осуществляется та самая множественность, о которой писала Мол [Мол, 2017]. Язык предполагает разное отношение к каждому из понятий, разную эмоциональную реакцию на смерть, но единую бюрократическую инструкцию — последовательность действий, которые делают это событие законным.

«Предостерегаю женщину от ритуальных агентов. Кажется, такие люди, как моя собеседница, в момент эмоционального потрясения — кормовая база для них. <...> Интересно, что сотрудницы как будто бы чувствуют, к кому проявить больше или меньше эмпатии. С расстроенной женщиной слева обходятся мягко, документы за нее заполняет работница отдела. Со мной строже — я задаю вопросы. Мне делают претензию, что мое удостоверение социального работника просрочено на год. <...> Выдают документ ходатайства на „погребение по гарантированному перечню социальных услуг“. Поле с ячейками 5×20, где нужно указать, кем приходится человек, написать его ФИО

¹⁴ Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Специализированная служба Санкт-Петербурга по осуществлению погребения умерших» (ГБУ ССОПУ). Официальный сайт. URL: <https://gbu-ssopu.ru/> (дата обращения: 14.02.2026).



и заполнить даты рядом с буквами ДР (дата рождения) и ДС (дата смерти). Я подумал, что в этих полях проходит вся жизнь человека. Подписываю нужные документы, мне выдают чеки об оплаченных услугах (для морга), назначают дату и время, когда нужно прийти на прощание. Здесь же определяется участок на Южном кладбище города».

Здесь тело превращается в бюрократический объект: серия полей в бумажной форме, где проходит вся жизнь человека. Тело существует как совокупность данных — ФИО, даты рождения и смерти (ДР/ДС), номера справки. Оно лишено биографии, но обретает юридическую легитимность. Фрагмент полевого дневника, 15 октября:

«Я оплатил услуги морга. Все заняло 30 минут. Вся стоимость вышла в 8800 рублей. В квитанции детали. Подготовка тела умершего к погребению — 4500. Вынос гроба — 1300. Фиксация тела в гробу — 3000. Мило пообщались с администратором иэшником. Я решил не торговаться как дьявол, хотя в теории это было возможно. Пока оформлял документы, рассказал ему про жизнь Александра. В процессе понял, что путаю детали его биографии».

То, что у меня вылетели из головы подробности биографии Александра, можно объяснить усталостью и истощением из-за столкновения со смертью клиента. Похожие реакции описаны в исследовании Лейкмана: «Когда умирает подопечный, уязвимость как самого работника, так и других обнажается. Если этой уязвимостью не заниматься должным образом или не прорабатывать этот опыт, люди могут оказаться в ловушке. Они продолжают сталкиваться со смертью через навязчивые воспоминания или же остаются в состоянии повышенной бдительности и тревоги, что подобное может случиться и с другими подопечными» [Lakeman, 2011: 942].

В свою очередь я думаю, что типизация биографий клиентов — это неизбежное следствие «идеологии профессионализма» [Шанин, 2004: 303]. В этом смысле работа сотрудников некоммерческой помогающей организации близка логике государственных институций. Это работа с большим потоком людей, помощь которым затруднена из-за разнообразных, часто непреодолимых препятствий: невозможности установить личность, оказать медицинскую помощь или восстановить документы вследствие неприступности бюрократических стен.

Акт 5. Кладбище. Похороны

Фрагмент полевого дневника, 16 октября:

«В траурном зале три человека: один сосед по комнате, психолог и я. Изначально проститься хотели еще двое. Но у одного начались проблемы со здоровьем, а второго я выселил из приюта за нарушение правил.

Пришел только клиент, который изначально не хотел этого делать. Год назад при пожаре у него погибла мама, и этот морг ему знаком. Но он все же решил приехать проститься. <...> Мы неловко молчим и смотрим то на гроб, то друг на друга. Возлагаем цветы на закрытый гроб, рядом черно-белая фотография, которую я предварительно распечатал. Небольшой зал. Сваренный в круге крест, современная архитектура. Водитель сердито говорит, что пора грузиться. Здравуюсь за руку с ипэшником в халате, у которого оплачивал услуги морга. Он вместе с двумя санитарами грузит гроб в спецмашину».

Та неловкость, которую мы испытали во время прощания, похожа на высказывание Анны Соколовой в работе о советской похоронной культуре: «Наша растерянность перед смертью отчасти обусловлена опытом десемантизации смерти — одним из ключевых процессов в истории советской смертности» [Соколова, 2021: 26].

В нашем случае это еще и ритуальная растерянность: не совсем понятно, что нужно делать и говорить, несмотря на то что люди пришли проститься. Фрагмент полевого дневника, 16 октября:

«Южное кладбище. Быстро и без очереди оформляюсь в администрации. Подъезжаем к нужному участку. Бригадир быстро оценивает меня, мою платежеспособность, простой вид газели социальной службы. Приветливо дает задачу своей бригаде из трех человек достать гроб, выстраивает очередность захоронений¹⁵. Рядом стоит еще пара гробов, все ждут своей очереди. Не пытается мне ничего продать. „Социалка, все понятно“. С другими людьми иначе. Бригадир не копает, руководит и продает. Подслушиваю. Кому-то рекламирует крест за 4 500. Обхаживает. „Здесь самый сухой участок, посмотрите“. Приезжает еще одна машина. Бригада не очень довольна. „Вот е-мае, еще одного“. Очередь доходит до нас. Бригадир командует: „Начинай социалку закапывать!¹⁶“ Другие здесь тоже социалка, но там другой подход, есть провожающие родственники и возможность заработать деньги».

В логике сотрудников кладбища тело бездомного человека существует как «социалка», «бездомник», объект санитарной утилизации. Требуется не траур, а лишь выполнение предписанных процедур. В словах: «Начинай социалку закапывать!» — тело лишено даже ритуального статуса. Фрагмент полевого дневника, 16 октября:

«— Костенька, здесь сразу холмик делай красивый. Люди прощаются. Крестик поставят.

— По русскому обычаю, по 3 горсточки бросим чистого песочка! Галина Николаевна, всем вправо!

¹⁵ См. фото из архива автора.

¹⁶ См. фото из архива автора.



— Правой рукой крестимся!

Мне не предлагает, но и я не в обиде.

<...> Две фракции земли: сначала грунт, смешанный с камнями, сверху более мелкий песок. На могилах получают кучи песка из разного материала и степени ровности (наша — похуже). Я кладу цветы рядом с небольшим бетонным прямоугольником (по ГОСТу — 30×40 см примерно), прощаюсь».

Похороны бездомного с точки зрения соцработников

У сотрудников «Ночлежки» раньше не было устойчивой традиции посещать умерших бездомных. На моей памяти впервые это произошло, когда мы написали запрос в архив о недавно умершем клиенте, и нам ответили, указав место захоронения — Северное кладбище. Мы сопоставили данные, написали еще запросы, и поняли, что там же похоронено еще несколько наших знакомых. С 2022 года мы регулярно посещаем Северное кладбище. Берем с собой гвоздики, термос с чаем, алкоголь. В первые посещения я брал псалтырь и читал 23-й Псалом над могилой усопшего (не вслух, из всех участников я один отождествляю себя с христианством), но потом это делать перестал. Фрагмент полевого дневника, ноябрь 2025 года, посещение «наших» на кладбище:

«Интересно фиксировать что-то легкое, светлое в ощущениях от посещения. Видеть красивое в стройном ряду бетонных прямоугольников с именами и без. Вспоминать доброе и смешное, представлять лица. Эта легкость странным образом сохраняется, несмотря на знание о том, какими были последние дни некоторых из наших знакомых. У кого-то это рак; у кого-то одиночество, голод и отказавшие ноги; у кого-то смертельные побои. <...> Нет подходящего слова, ритуала. Есть просто чувство, что так правильно — быть здесь. Правильно и легко»¹⁷.

Так бывает, что в процессе работы с клиентом устанавливается дружеская или приятельская связь. Я хорошо знаю их биографии, книги, которые они любили, их истории. Не всем таким клиентам, однако, получается организовать похороны. Иногда мы узнаем о смерти человека слишком поздно, иногда просто не имеем ресурсов на внерабочие задачи. Так было с одним клиентом, с которым я приятельствовал. Он не проживал в приюте, у него тоже был рак, и я навещал его в больнице, замаскировавшись под врача. Тогда был строгий ковидный режим, но моя подруга, которая работала в больнице, помогала навещать его и делать передачи. Когда он умер, я узнал об этом сразу. Мне звонили и предлагали устроить похороны. Поколебавшись, я отказался, подумав, что имеющиеся небольшие силы я лучше потрачу на работу, а символически прощусь уже на Северном кладбище.

¹⁷ См. [фото из архива автора](#): «наше кладбище», сделанное в это же время.

Несколько раз я посещал похороны, которые устраивали мои коллеги для своих клиентов. Все они проходят по похожему сценарию — это всегда бюрократический квест с повсеместным элементом торга. Один раз коллеге удалось сделать похороны «в открытую» полностью за государственный счет, но это потребовало титанических усилий и нервов. Меняется только состав людей и обстановка зала прощания. В крематории для «социалки» — общий зал, где могут находиться порядка десяти тел, в разное время к ним будут подходить прощаться люди, также как мы, без церемониймейстера. Иногда мы кладем любимые мелочи человека в его гроб. Всегда происходит суэта с документами, которая помогает заполнить неловкую пустоту. Молчание у гроба. Изредка слезы клиентов, пришедших попрощаться. Поминок у нас нет, в приюте запрещено употреблять алкоголь.

В истории с Александром, напротив, я не чувствовал глубокой привязанности или приятельской связи, но взялся за организацию похорон. Я несколько раз путал детали его биографии в разговорах с сотрудниками морга. В моей голове он действительно попал в категорию типичного клиента «Ночлежки», с набором привычных проблем со здоровьем и документами. Интересно, как мы, сотрудники социальной сферы, работаем со своим представлением о должном прощании и отношении к смерти. В чем-то мы похожи на некоторых наших клиентов.

Коммеморацию можно понимать как особый способ социального производства памяти, в котором смерть не просто фактологически фиксируется (например, как закрытие сервисного плана работы с клиентом), а становится поводом для коллективного и институционального производства норм, статусов и отношений принадлежности (в частности, тех, которые не были присущи человеку при жизни из-за его маргинализированного статуса). Создание коммеморативного ритуала социальными работниками — это изобретенная традиция. В концепции Хобсбаума традиция конструируется и поддерживается, чтобы придавать устойчивость социальному порядку [Хобсбаум, 2000].

Внутри профессиональных сообществ коммеморация приобретает дополнительное значение, поскольку память о смерти становится частью самой профессиональной идентичности.

Похороны бездомного с точки зрения бездомного

Фрагмент полевого дневника, 15 октября:

«После обеда зашел один из моих клиентов — Олег. Последние тридцать лет он жил без документов в самодельной хижине на окраине города. Его история уникальна тем, что контакт с внешним миром происходил в основном через других поселенцев, обитателей того же мусорного полигона. Жизнь и смерть, знакомство с новыми технологиями — все это происходило в отрыве от большого города, на самой периферии. Поэтому речь и мышление клиента отчасти архаичны, многие бытовые практики (вроде пользования стиральной машиной и поездок на метро)



сложны и вызывают тревогу. Нам удалось сделать ему российский паспорт и оформить инвалидность. Олег — сосед Александра, и я спросил его, хочет ли он проститься с ним в морге. Получил любопытный ответ: — Андрей, что Вы, я никогда в таких местах и не был, на похоронах, нет. У нас гибли люди, человек двести на полигоне, мы закапывали сами, а тут все другое, совсем непонятное мне. Если нужно помочь деньгами, я готов. Я подумал, что практики прощания и обращения с мертвецами встроены в социально сконструированную реальность. В случае Олега нет знакомства с бюрократическим языком, ритуалом, это чуждо его жизненному опыту, в отличие от других бездомных, которые так или иначе встроены в социальные процессы большого города».

Заключение

Социальные похороны можно рассматривать как особую форму коллективной работы с телом умершего, в которой участвуют институциональные агенты: государственные службы, рынок ритуальных услуг и отдельные представители гражданского общества. Каждый из этих агентов «осуществляет» свое измерение тела в рамках своей практики. Эта множественность не отрицает реальности конкретно взятой смерти человека и материального измерения в виде мертвого тела. Тело бездомного человека не разрывается между конкурирующими онтологиями — оно *становится* разным в каждой практике: как объект патологоанатомического исследования в морге, как носитель персональных данных в соцфонде, как «социалка» на кладбище.

Процедура похорон бездомных продолжает логику отношения к бездомным при жизни. Обезличенная процедура погребения завершает процесс стирания маргинализированного индивида, удаление «человеческого отхода» за пределы общества. На каждом этапе подготовки похорон происходит трансформация тела: на биологическом, юридическом и социальном уровнях. Условия, состояние здоровья, близость с людьми влияют на продолжительность и качество жизни. Юридический статус также влияет на то, что будет с человеком после смерти. Так называемое лицо БОМЖ («безродник») получает право на социальные похороны и место в специально отведенной части кладбища. Примечательная деталь связана с трансформацией категорий, в которой действует логика «человеческих отходов». При жизни лицом БОМЖ может быть только гражданин РФ с паспортом, отсутствием регистрации и собственности, ему становится доступен небольшой набор государственной поддержки (вроде уже упомянутых домов ночного пребывания). Бездомные с другими жизненными ситуациями, документами или имеющейся регистрацией в государственную категорию не попадают. Зато все вместе после смерти оказываются в более широкой категории «безродников», им становится доступно последнее государственное благо в виде участка земли 1,5×2 м. Для кого-то это будет первым и последним постоянным местом жительства.

Растерянность перед смертью следует за переживанием растерянности перед жизнью. Социальные работники видят разнообразные нерешаемые проблемы: структурное неравенство, бюрократические препятствия, нехватку экспертизы о бездомности. Это ощущение бесконечных трудностей сопряжено с экзистенциальной опустошенностью, невозможностью испытать горе после смерти человека, с которым много работал и общался, стиранием из памяти его характерных черт и истории жизни. При жизни человека социальные работники формируют понятие достоинства, которое противостоит институциональной логике «человеческих отходов». После его смерти они пытаются придать ему то же достоинство — через организацию похорон и дальнейшие коммеморативные ритуалы. В каком-то смысле практика организации похорон (а затем и практика коммеморации) может являться способом проживания смерти в действии. Это попытка создания личностной онтологии умершего в условиях редуцированного эмоционального проживания. Она противостоит, но не может полностью перекрыть институциональную логику удаления маргиналов за пределы внимания. Моя двойственная позиция (соцработник-антрополог) не позволяет мне занять романтизированную позицию защитника. Напротив, я обнаруживаю в себе черты институционального обезличивания: типизация клиентов, путаница в биографических деталях, экзистенциальная пустота вместо скорби. Я думаю, что это особенность работы в «мертвой зоне бюрократии». Сопротивление обезличиванию невозможно без признания собственной включенности в систему. Коммеморативная практика становится коллективной работой по преодолению деперсонализации.

Роберт Герц в своей книге о значении смерти как о пересборке социума пишет: «В конечном счете смерть как общественный феномен представляет собой двунаправленный и болезненный процесс мысленного разрушения и синтеза. И лишь когда этот процесс завершен, социум, вновь обретя покой, может праздновать победу над смертью» [Герц, 2019: 231]. Происходит ли в описанном кейсе пересборка общества? Нет, похороны бездомного человека находятся на обочине общественной жизни. Но они могут оказаться значимым событием для малой части профессионального сообщества, работающей с уязвимыми группами; для тех, кто знал человека лично и пришел отдать дань памяти. Теодор Шанин писал, что помощь социального работника должна привести к тому, чтобы клиент больше не нуждался в ней [Шанин, 2024: 162]. В каком-то смысле это происходит после смерти.

Литература / References

- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992.
 Aries F. (1992) *Chelovek pered licom smerti* [The Hour of Our Death]. Moscow: Progress-Akademiy. (In Russ.)
 Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
 Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. SPb.: Piter. (In Russ.)
 Виноградова Г. В. Концепция бездомности как процесс маргинализации личности: направления и уровни // Социология. 2021. № 3. С. 201–208. EDN: UKDCGA



Vinogradova G.V. (2021) The Concept of Homelessness as a Process of Personal Marginalization: Directions and Levels. *Sociologiya* [Sociology]. No. 3. P. 201–208. (In Russ.)

Герц Р. Смерть и правая рука. М.: ARS Press, 2019.

Hertz R. (2013) *Smert i pravaya ruka* [Death and the Right Hand]. Moscow: ARS Press. (In Russ.)

Гурц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Культурология XX век: Дайджест. 1997. № 1. С. 103–138.

Geertz C. (1997) "Rich Description": In Search of an Interpretive Theory of Culture. *Kulturologiya XX vek: Dajdzhest* [Cultural Studies of the XX Century: A Digest]. No. 1. P. 3–30. (In Russ.)

Коваленко Е., Строкова Е. Бездомность: есть ли выход? М.: Фонд «Институт экономики города», 2013.

Kovalenko E., Strokovaya E. (2013) *Bezdomnost: est li vyhod?* [Homelessness: Is There a Way Out?]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda". (In Russ.)

Крихтова Т.М. Видимость и невидимость посетителей центра дневного пребывания «Ангар спасения» // Фольклор и антропология города. 2024. Т. 6. № 4. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.22394/2658-3895-2024-6-4-8-25> EDN: PAKRKC

Krikhtova T.M. (2024) The Seen and Unseen: Visitors of the "Rescue Hangar". *Folklor i antropologiya goroda* [Urban Folklore and Anthropology]. Vol. 6. No. 4. P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.22394/2658-3895-2024-6-4-8-25> (In Russ.)

Кузинер Е.Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 258–282. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653> EDN: YXVWCG

Kuziner E.N. (2020) "I'll Go Home, Home Means the Basement": Everyday Practices and Survival Strategies of Homeless Women. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 258–282. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653> (In Russ.)

Кузинер Е.Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в чувствительных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4> EDN: NGDUFQ

Kuziner E.N. (2024) Issledovanie bezdomnosti: metodologiya, emocional'naya vovlechenost' i mesto issledovatelya v sensitivnyh polyah [Homelessness Research: Methodology, Emotional Involvement, and the Researcher's Position in Sensitive Fields]. *Interakciya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 16. No. 2. P. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4> (In Russ.)

Мальков М.Д., Ченцова А.А. Логика взаимодействия с бездомными людьми на московских вокзалах // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 70–99.

Malkov M.D., Chencova A.A. (2024) Logics of Interaction with Homeless People at Moscow Railway Stations. *Puti Rossii* [Paths of Russia]. Vol. 2. No. 4. P. 70–99. (In Russ.)

Метелева Е., Волкова О., Бирюкова С., Алексеева Л. Решение проблемы бездомности: модель социальной адаптации и ресоциализации лиц без определенного места жительства в регионе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 170–192. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-170-192> EDN: QZPHXI

Metelleva E., Volkova O., Biryukova S., Alekseeva L. (2022) Solving the Homelessness Problem: Model of Social Adaptation and Re-Socialization of Homeless People in a Region. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 1. P. 170–192. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-170-192> (In Russ.)

Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике. Пермь: HylePress, 2017.

Mol A. (2017) *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v medicinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice]. Perm: HylePress. (In Russ.)

Мохов С. В. Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс // Социология власти. 2016. Т. 28. № 4. С. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2016-4-83-103> EDN: XIQDIL

Mokhov S.V. (2016) Death Care Industry In Modern Russia: Breakdown of Infrastructure as Power Resource. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 28. No. 4. P. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2016-4-83-103> (In Russ.)

Мохов С. В. Похоронная индустрия: роль инфраструктуры в создании национальных моделей // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 4. С. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5528> EDN: YLBEKB

Mokhov S.V. (2017) The Burial Industry in Comparative Perspective: How Infrastructure Creates National Models. *Sociologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 23. No. 4. P. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5528> (In Russ.)

Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Sokolova A. (2021) *Novomu cheloveku — novaya smert'? Pohoronaya kultura rannego SSSR* [A New Death for a New Man? Funeral Culture of the Early USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Warner W. (2000) *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Moscow; SPb.: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Hobsbawm E. (2000) Inventing Traditions. *Vestnik Evrazii* [The Invention of Tradition]. P. 1–14. (In Russ.)

Цацура Е. А., Осаволук А. А. Распространенность опыта бездомности среди россиян (оценка на основе ретроспективного опроса) // Социологические исследования. 2024. Т. 3. № 3. С. 83–93. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524030077>

Cacura E. A., Osavolyuk A. A. (2024) Prevalence of Homelessness in Russia: an Assessment Based on a Retrospective Survey. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 3. No. 3. P. 83–93. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524030077> (In Russ.)

Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М.: Академия, 1997. С. 100–115.

Shanin T. (1997) Social Work as a Cultural Phenomenon of Our Time: A New Profession and Academic Discipline in the Context of Social Theory and Political Practice of Our Days. In: *Vzaimosvyaz sotsial'noy raboty i sotsial'noy politiki* [The Interrelation of Social Work and Social Policy]. Moscow: Academia. P. 100–115. (In Russ.)

Шанин Т. Социальная работа: идеология профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3. С. 303–328. EDN: HFVAGT

Shanin T. (2004) Social Work: The Ideology of Professionalism. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 2. No. 3. P. 303–328. (In Russ.)

Шанин Т. Стать Теодором. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Shanin T. (2024) *Stat Teodorom* [Becoming Theodore]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Шульц А. В тени мегаполиса: способы использования городского пространства бездомными людьми (на примере Москвы) // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 15–41.

Shulc A. (2024) In the Shadow of the Megacity: Ways of Using Urban Space by Homeless People (The Case of Moscow). *Puti Rossii* [Russia's Directions]. Vol. 2. No. 4. P. 15–41. (In Russ.)

Яхно Л. В. Общественное пространство для бездомных: образ Курского вокзала в Москве // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 42–69.



- Yahno L.V. (2024) Public Space for the Homeless: The Image of Kursky Station in Moscow]. *Puti Rossii* [Russia's Directions]. Vol. 2. No. 4. P. 42–69. (In Russ.)
- Anderson N. (1923) *The Hobo: The Sociology of the Homeless Man*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bauman Z. (2013) *Wasted Lives: Modernity and Its Outcasts*. New York: John Wiley & Sons.
- Becker H.S., Gans H.J., Newman K.S., Vaughan D. (2004) On the Value of Ethnography: Sociology and Public Policy — A Dialogue. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 595. No. 1. P. 264–276. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716204266599>
- Busch-Geertsema V., Culhane D., Fitzpatrick S. (2010) Defining and Measuring Homelessness. *Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty*. P. 19–39.
- Cloke P., May J., Johnsen S. (2010) *Swept Up Lives? Re-Envisioning the Homeless City*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Graeber D. (2012) Dead Zones of the Imagination: On Violence, Bureaucracy, and Interpretive Labor. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 2. No. 2. P. 105–128.
- Höjdestrand T. (2011) *Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in Post-Socialist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hopper K. (1991) Homelessness Old and New: The Matter of Definition. *Housing Policy Debate*. Vol. 2. No. 3. P. 755–813. DOI: <https://doi.org/10.1080/10511482.1991.9521072>
- Lakeman R. (2011) How Homeless Sector Workers Deal with the Death of Service Users: A Grounded Theory Study. *Death Studies*. Vol. 35. No. 10. P. 925–948. DOI: <https://doi.org/10.1080/07481187.2011.553328>
- Lancione M. (2016) Racialised Dissatisfaction: Homelessness Management and the Everyday Assemblage of Difference. *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 41. No. 4. P. 363–375. DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12133>
- Laqueur T.W. (2016) *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton: Princeton University Press. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400874514>
- Lipsky M. (1971) Street-Level Bureaucracy and the Analysis of Urban Reform. *Urban Affairs Quarterly*. Vol. 6. No. 4. P. 391–409. DOI: <https://doi.org/10.1177/107808747100600401>
- Lloyd C., King R., Chenoweth L. (2002) Social Work, Stress and Burnout: A Review. *Journal of Mental Health*. Vol. 11. No. 3. P. 255–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/09638230020023642>
- Park R.E. (1915) The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. *American Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 5. P. 577–612. DOI: <https://doi.org/10.1086/212433>
- Platt J. (1992) “Case Study” in American Methodological Thought. *Current Sociology*. Vol. 40. No. 1. P. 17–48. DOI: <https://doi.org/10.1177/001139292040001004>
- Rossi P.H. (1989) *Down and Out in America: The Origins of Homelessness*. Chicago: University of Chicago Press.
- Snow D.A., Anderson L. (1993) *Down on Their Luck: A Study of Homeless Street People*. Berkeley: University of California Press.

Сведения об авторе:

Чекрыгин Андрей — независимый исследователь, специалист по социальной работе МБОО «Ночлежка», Санкт-Петербург, Россия. E-mail: chekr96@gmail.com. ORCID ID: [0009-0003-4787-1671](https://orcid.org/0009-0003-4787-1671).

Статья поступила в редакцию: 14.02.2026

Принята к публикации: 01.06.2026

BAK: 5.4.4

.....

“The Work of the Dead”: How Social Funerals for the Homeless Work in St. Petersburg

DOI: 10.19181/inter.2026.18.3.5

Andrey A. Chekrygin *Independent Researcher, St. Petersburg, Russia*
E-mail: chekr96@gmail.com

This article analyzes the experience of organizing social funerals for homeless people in St. Petersburg. The author combines two positions: as a practicing social worker at the charitable organization “Nochlezhka” and as an anthropological researcher. This combination of roles allows for access to a difficult and ethically complex field. The ethnographic study is based on field diaries, interviews, and document analysis. The goal of the study is to trace how various actors interact with the body of a deceased person who cannot be cared for by close relatives. By organizing social funerals, key actors shape the posthumous arrangement of bodies in urban space and beyond: those are the state, the funeral services market, and civil society. Their collaboration occurs as a recurring dramatic performance with predetermined scenarios, within which the death of a homeless person acquires a specific bureaucratic and social status. Moving between institutions, the body takes on different forms: a beneficiary in a non-profit organization, a subject of autopsy in a morgue, a carrier of personal data in a government agency, or a “sotsialka” for cemetery workers. Social workers, constantly confronted with crisis and stressful situations, consider the death of their clients as part of their daily work routine and sometimes are unable to respond to it as a loss. At the same time, they experience confusion and emptiness where emotions of loss are expected — and they fill this space with bureaucratic work that extends beyond their professional duties, as well as invented commemorative practices.

Keywords: social work; funerals; commemoration; homelessness; institutional logic; bureaucracy

Author Bio:

Andrey A. Chekrygin — Independent Researcher, Social Work Specialist, Charity Nochlezhka, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** chekr96@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0003-4787-1671.

Received: 14.02.2026
Accepted: 01.06.2026